

Борис Колоницкий

Gleb J. Albert. The Charisma of World Revolution: Revolutionary Internationalism in Early Soviet Society, 1917–1927. Leiden, Netherlands: Brill, 2023. 569 pp. ISBN 9789004527768.

*Борис Колоницкий, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Россия.
kolon@eu.spb.ru.*

Рассматриваемая книга представляет собой перевод монографии, вышедшей первоначально на немецком языке (Albert 2017). В исследовании автор стремится не только описать и проанализировать различные проявления интернационализма – Глеб Альберт пытается посмотреть на раннее советское общество через то, как воспринимались и использовались идеи мировой революции и международной классовой солидарности.

В отличие от ряда своих предшественников, рассматривавших интернационализм лишь в качестве идеологии, которую партия навязывает «народу», автор рецензируемой монографии анализирует это явление как социальное, используя инструментальный и понятийный аппарат социальной истории. Для Альберта важна концепция «общественности», которую исследователи связывали с традицией русской радикальной интеллигенции (Kelly and Volkov 1998). В центре его внимания всевозможные дискурсивные и не дискурсивные практики, способствующие утверждению и использованию интернационализма, его «бытованию». Отталкиваясь от известных исследований «советской субъективности» – в частности, авторства Стивена Коткина (Kotkin 1995), Йохена Хелльбека (Hellbeck 2006) и Игала Халфина (Halpin 1999, 2007, 2011), – Альберт ставит вопрос о том, как практики интернационализма влияли на развитие новой идентичности граждан СССР.

Понятие «харизмы», ее рутинизации и институционализации (по Макс Веберу) имеет для обсуждаемого исследования центральное значение. Чаще всего о харизме говорят в связи с особенностями господства отдельных личностей. Ряд же авторов использует это понятие также для характеристики объектов и идей («обезличенная харизма»), ссылаясь при этом на Вебера, который в связи с Великой французской революцией писал: «Харизматическое просветление разума (нашедшее характерное выражение в его восславлении Робеспьером) – самая крайняя форма, которую когда-либо принимала идея харизмы за всю ее историю» (Weber 1978:1209).

В качестве источников автор книги привлекает циркуляры, директивы и инструкции различных структур Коммунистической партии и Коммунистического интернационала, протоколы конгрессов, съездов и конференций, переписку органов разного уровня. Немалый интерес представляют документы германской делегации при Исполкоме Коминтерна. В исследовании привлекается и печать: как периодические издания, адресованные массовому читателю, так и тексты, предназначенные активистам разного уровня. Кроме того, Альберт обращается к ви-

зуальным и материальным источникам; среди последних выделяются знамена, которыми обменивались коммунистические организации СССР и других стран. Всевозможные сводки о настроениях населения и «письма во власть» (в том числе и выявленные автором в архиве «Крестьянской газеты») также привлекаются в рецензируемой книге. Наконец, историк использует воспоминания и дневники. Многие источники выявлены автором впервые; часть из них он обнаружил в семи архивах Москвы, Перми и Берлина.

Альберт справедливо отмечает, что советский интернационализм был многолик: он мог проявляться и в солидарности с «угнетенными народами Востока», и в поддержке политики укрепления «дружбы народов» СССР. В своем же исследовании он ограничивается прежде всего теми аспектами интернационализма, которые касались европейского рабочего и революционного движения, уделяя особое внимание Германии, хотя в монографии приводятся интересные факты, касающиеся и других стран. Такой выбор вполне оправдан: именно на немецких единомышленников большевики возлагали особые надежды, а тема революционного германофильства разного толка заслуживает специального изучения. В книге пристально исследуются три исторических периода, когда связь между советским обществом и мировой революцией проявилась особенно ярко: революционные события в Центральной Европе (1918–1919), так называемый «германский Октябрь» (1923) и всеобщая забастовка в Англии (1926).

Надежды большевиков и радикальных социалистов на возникновение мировой революции значительно усилились с окончанием Первой мировой войны и обострением общественно-политических кризисов в разных странах. Особый энтузиазм вызывали антимонархические революции в Германии и Австрии, а также временное установление советской власти в Баварии и Венгрии. В 1918 году большевики приветствовали революцию в Германии еще до того, когда она, собственно, началась, а советские структуры всячески способствовали организации революционных социалистов, в том числе оказывая им финансовую помощь. Энтузиасты даже говорили о создании Федеративной Российско-германо-австрийской советской республики и проведении Европейского съезда Советов. Коммунистический интернационал, созданный в марте 1919 года, мог рассматриваться как центр притяжения советских республик, которые должны появиться в различных странах. Это грядущее международное объединение мыслилось и как военный союз: часть большевиков, ведущих напряженную гражданскую войну, надеялась на помощь новых социалистических армий, а некоторые даже мечтали о создании мировой Красной армии.

Неудачи политических союзников-большевиков в Центральной Европе вызвали разочарование. Лев Троцкий, например, считал нужным использовать революционный потенциал антиколониального движения в Азии. Такой поворот отчасти был реализован, однако тема солидарности с европейскими революционерами продолжала звучать и в советской пропаганде, и в восприятии международного положения частью населения. Память о вождях, ставших жертвами контрреволюции, играла большую роль в советской исторической политике. Особое значение имели Карл Либкнехт и Роза Люксембург: вокруг них сложился культ жертв контр-

революции, игравший немалую роль в обосновании политики террора, которую большевики проводили во время гражданской войны.

Переход к новой экономической политике и установление дипломатических отношений с Германией не помешали новому всплеску надежд на революционный взрыв в центре Европы. Экономический, социальный и политический кризис в Германии, переплетавшийся с резким обострением международных отношений осенью 1923 года, вновь заставил многих людей в советской России поверить в вероятность начала «немецкого Октября», который даст толчок мировой революции. Коммунистическая партия и контролируемые ею советские общественные организации организовали сбор денег и продовольствия для немецких рабочих, часть этих средств распределялась Компартией Германии. Между тем решение о подготовке восстания в Германии было принято на заседании Политбюро ЦК Российской коммунистической партии, а начало революции было увязано с очередной годовщиной Октябрьской революции 1917 года. Население Советской России было решено готовить к революционному кризису и возможному военному столкновению с капиталистическими странами. Такая мобилизация общественного мнения имела и внутривнутриполитические цели: она могла способствовать смягчению и деактуализации различных общественных и внутривнутрипартийных конфликтов.

Обозначенная выше пропагандистская кампания дала результаты. Молодые энтузиасты добровольно вступали в Рабоче-крестьянскую Красную армию (РККА), но тем более велико было разочарование, когда германская революция потерпела поражение: кто-то подал заявления о выходе из партии, другие даже кончали жизнь самоубийством. Крах надежд на «германский Октябрь» влиял и на внутривнутрипартийные дискуссии: лидеры различных групп обвиняли друг друга в грубых ошибках. Вместе с тем политическое поражение могло быть использовано для акций интернационализма – акцент переносился с темы боевой солидарности, не исключавшей и вооруженную поддержку революций, на тему филантропии. Показательно, например, создание новой советской общественной организации, Лиги помощи детям германских рабочих.

Во многих отношениях поражение «германского Октября» повлияло на советский политический дискурс, в особенности, на понимание интернационализма. Если до 1924 года пролетариат развитых промышленных стран выступал в роли своего рода воображаемого «старшего брата» Советской России, то теперь страна победившей революции воспринималась как лидер и авангард мирового рабочего движения, а интернационализм должен был проявляться прежде всего в помощи, которую рабочие капиталистических стран должны были оказывать СССР. Такой поворот был связан и с новым курсом на строительство социализма в одной стране, хотя большевистская партия и ранее рассматривалась как образец для подражания, которому должны были следовать все компартии.

Всеобщая забастовка в Великобритании в 1926 году вновь пробудила надежды на мировую революцию, но последовавшее обострение международной обстановки породило актуализацию в СССР темы «военной опасности» в 1927 году. Согласно решениям, принятым Политбюро большевистской партии, помощь бри-

танским стачечникам оказывалась по линии советских профсоюзов, для чего производился сбор пожертвований среди рабочих и служащих. Эти акции солидарности описывались синхронными источниками, а затем и некоторыми историками, как низовые инициативы, однако выявленные в архивах материалы свидетельствуют о том, что они в основном инициировались и контролировались Политбюро. Иногда идея помощи английским рабочим находила отклик у энтузиастов-интернационалистов, но зачастую члены советских профсоюзов без радости смотрели на предложение пожертвовать на эти цели изрядную часть своей заработной платы. Призывы к солидарности также давали поводы для критики большевистской экономической политики и жалоб на трудные условия жизни (еще в 1923 году эта тема звучала гораздо слабее).

Альберт выделяет три идеальных типа партийных активистов, задействованных в распространении интернационализма. Энтузиасты, сознательно готовые пойти на жертвы ради идеи, для которых интернационализм был объединяющим и важнейшим символом веры, часто находились в условиях изоляции, отчужденные от большинства населения; особенно сильно это ощущалось в маленьких городках и селах. Символическое участие в международном революционном проекте было для них экзистенциально важным. Ожидание помощи со стороны «мирового пролетариата», вера в неизбежное и скорое пришествие мировой революции позволяли им сохранять стойкость во время тяжелейших испытаний Гражданской войны. Между тем, и впоследствии, после утверждения сталинской концепции построения социализма в одной стране, харизма мировой революции не исчезла полностью, находя выражение в многочисленных обращениях комсомольцев, готовых сражаться за революцию в других странах.

Другая, более многочисленная группа большевистских партийных работников – оппортунисты. Прагматичные карьеристы умело использовали авторитетный дискурс интернационализма для укрепления своего положения и успешного продвижения по службе. Наконец, третью группу партийцев Альберт называет «функционерами». Их отличали в первую очередь профессионализм и специализация, то есть отождествление себя с какой-либо ветвью партийно-государственного аппарата, с какой-либо его функцией. По отношению к двум вышеуказанным эта группа гибридна: в одних ситуациях функционеры действовали как энтузиасты, а в других – как оппортунисты. Тут автор монографии мог бы добавить еще и то, что все три группы коммунистических активистов должны были формулировать свои идеи относительно перспектив мировой революции в условиях обострения внутривнутрипартийных дискуссий: споры об отношении к британской забастовке или о политике Коминтерна в Китае влияли на политический выбор изрядной части оппозиционеров и сторонников генеральной линии.

Альберт справедливо отмечает, что одним из индикаторов популярности идеи мировой революции была мода на научную фантастику, в которой тема революционного преобразования земного шара – и даже других планет – звучала часто. Впрочем, в начале 1930-х годов развитие советской научной фантастики было прервано, что, по мнению цитируемого автором Ричарда Стайтса, было знаком завершения эпохи революционной утопии (Stites 1989). Другим проявлением рас-

пространения идеи мировой революции было движение эсперантистов в СССР – по крайней мере часть его активистов легитимировала свою деятельность с помощью соответствующей риторики.

Особое внимание автор уделяет публичным выступлениям, в которых звучала тема мировой революции. Значение этих сюжетов объяснялось не в последнюю очередь тем, что по сравнению с вопросами внутренней или экономической политики международные проблемы не вызывали негативной реакции у аудитории партийных активистов, поэтому о мировой революции охотно говорили и «энтузиасты», и «оппортунисты». Анализируя тексты речей и принятые на их основе резолюции, Альберт выявляет разнообразные, порой противоречащие друг другу интерпретации международного положения. Он прослеживает разные мотивы, которыми руководствовались авторы посланий, а также их дальнейшую судьбу: некоторые из них публиковались в печати, становясь образцом для подобных текстов, а другие даже переводились на европейские языки как инструмент коммунистической пропаганды. Показательно, что иностранные дипломатические миссии, находившиеся в Советской России, серьезно относились к резолюциям, направлявшимся в их страны, и внимательно их изучали.

Другим важным источником рецензируемого исследования являются провинциальные большевистские газеты. Весьма разнородные в своих трактовках интернационализма и международной солидарности во время Гражданской войны, со временем они подверглись корректировке со стороны центра, требовавшего сосредоточиться на местных проблемах и стремившегося монополизировать интерпретации внешнеполитических проблем (поворота провинциальной прессы к конкретным проблемам регионов ожидала и ее крестьянская аудитория). О противоречиях между центральным руководством агитационно-пропагандистской работы и местными работниками свидетельствовало и освещение «германского Октября» 1923 года в провинциальной прессе, которое порой было чрезмерно эмоциональным, излишне воинственным и совсем не дипломатичным.

Альберт ставит вопрос о тех вызовах, с которыми сталкивались инициаторы всех пропагандистских кампаний: недостаток печатных изданий, неграмотность значительной части населения, отсутствие потребности к постоянному чтению, непонимание прочитанного в силу недостаточного образования. Это относится ко всем сюжетам, которых касалась пропаганда, но при освещении международного положения проблема была особенно ощутима. Пропаганда интернационалистского толка порой вызывала непредсказуемые реакции. Она могла провоцировать вспышки ксенофобии – например, особенно острой проблемой оставался антисемитизм. Иногда же кампания солидарности с бастующими рабочими капиталистических стран становилась ресурсом, которым пользовались и организаторы стачек в Советской России.

Международная организация помощи борцам революции (МОПР), созданная Коминтерном в 1922 году, стала важнейшим инструментом институционализации харизмы мировой революции. В нее в 1932 году входило до 10 миллионов членов, это была наиболее массовая общественная организация (ее отличал и меньший – по сравнению с другими организациями – размер членских взносов). Росту член-

ства также способствовали надежды на революцию в Германии и других странах в 1922–1923 годах. Успехи или неудачи местных организаций МОПР зависели от ряда факторов, в том числе и от отношения местных партийных работников к их работе. Так, например, достижения организации в Вятке во многом были результатом инициатив партийного секретаря, который имел опыт личного участия в рабочем движении других стран.

Символика МОПР испытывала влияние европейской революционной традиции, но в своих практических шагах организация опиралась на опыт филантропической деятельности дореволюционной России. Для достижения целей организации МОПР нуждалась в постоянном поступлении денежных средств. Членских взносов было недостаточно, да и собирались они порой с трудом. В этих условиях возникали планы использовать способы сбора денежных средств, применявшиеся дореволюционными филантропическими обществами (лотереи, аукционы, продажа билетов на любительские спектакли и танцевальные вечера и пр.). Планы такого рода некоторые активисты полагали «буржуазными», другие же считали их необходимыми.

Между тем, это была не единственная дискуссия, которая велась о МОПР. Эта общественно-политическая организация стала жертвой своего успеха, и некоторые партийные чиновники переживали, что МОПР составит определенную конкуренцию Компартии. Хотя официально МОПР существовал до 1948 года, его практическая деятельность свертывалась уже с конца 1930-х годов.

Сборы пожертвований в пользу зарубежных революционеров и иностранных рабочих проводил не только МОПР, но и другие организации. При этом на результаты таких кампаний влияли дореволюционные традиции благотворительности и групповой солидарности. Рабочие и крестьяне охотнее готовы были жертвовать на специальные разовые сборы, но подозрительно относились к регулярной уплате членских взносов, воспринимавшейся как новая подать. Первоначально местные активисты инициировали сборы средств в рамках кампаний солидарности, но постепенно нарастал бюрократический контроль: любая новая акция должна была быть согласована с Москвой, а одобрения региональных партийных организаций было недостаточно.

Поощряемой формой проявления интернационализма стало шефство. Так, например, иностранные коммунистические организации становились шефами войсковых частей и соединений Красной армии (такая практика фиксируется уже в 1923 году). Это направление определялось решениями Политуправления РККА. В это же время наблюдается и другая форма шефства, контролировавшаяся одним из отделов МОПР: отдельные коллективы опекали группы политических заключенных в капиталистических странах, с которыми они переписывались, посылали подарки и пр. Многие шефские инициативы исходили от рядовых коммунистов и комсомольцев, партийных работников среднего звена и военных комиссаров. В таких случаях центральные партийные органы пытались контролировать и регулировать местные начинания. Инициаторы шефства руководствовались разными мотивами – например, некоторые видели в этом возможность оказать помощь своим родственникам и друзьям. Да и сами церемонии и ритуалы, связанные с шеф-

ством, могли восприниматься как дополнительные празднества, вносящие разнообразие в провинциальную жизнь. Одним из ритуалов, оформлявших шефское движение и другие инициативы, стал обмен знаменами. Первая церемония такого рода имела место в марте 1922 года, после чего последовали и иные акции, а движение по обмену знаменами приобрело массовый характер.

Пропаганда интернационализма проявлялась и в поддержке переписки между советскими активистами и их зарубежными единомышленниками. Иногда инициативу такой коммуникации проявляли зарубежные коммунисты: так, в 1924 году Компартия Германии предложила наладить переписку между заводскими партийными коллективами. В подобных случаях советское коммунистическое руководство чем дальше, тем больше стремилось контролировать местные инициативы. Отдельные опасения вызывала индивидуальная переписка. Своеобразием отличалась особенно активная переписка между советскими и зарубежными эсперантистами, которую коммунисты пытались разорвать. И в этом случае заметно переключение с индивидуальной переписки на переписку коллективную под давлением партийного руководства. Приспособление к советским условиям не спасло многих эсперантистов от репрессий, а само движение в СССР перестало существовать во второй половине 1930-х годов.

В книге рассматривается и феномен «революционного туризма» – поездок коммунистических, социалистических, профсоюзных и иных рабочих организаций в СССР. И организаторы поездок, и их участники преследовали собственные цели, а достигнутые результаты нередко существенно отличались от замысла проекта. С большим интересом читаются страницы монографии, посвященные практическим аспектам организации туров – вопросам финансирования, спорам об организации банкетов и пр. Как и в других случаях, советское партийное руководство старалось соблюдать баланс между организованностью и спонтанностью: с одной стороны, прием иностранных делегаций должен был быть контролируемым, с другой – акции гостеприимства должны были выглядеть как стихийное проявление энтузиазма простых людей. Порой энтузиазм и был искренним, однако так было далеко не всегда. Вместе с тем визиты иностранных делегаций в СССР могли быть открытым ресурсом: их пытались использовать и противники большевиков (прежде всего меньшевики), и внутривнутрипартийные оппозиционеры, и организаторы разных протестных акций.

Советский интернационализм проявлялся и в распространенном желании принять непосредственное участие в революционном движении за рубежом. Это настроение было особенно заметно в момент ожидания «германского Октября» в 1923 году. Данный мотив ощущается в письмах и заявлениях, направлявшихся в партийные и комсомольские комитеты; они, как правило, отклонялись. Новая волна такого рода обращений последовала после начала гражданской войны в Испании в 1936 году.

Допускаемой формой проявления интернационализма было направление за рубеж советских официальных делегаций, прежде всего профсоюзных. Выявленные Альбертом источники, в том числе источники личного происхождения, позволили ему подробно рассмотреть случай Бориса Козелева, профсоюзного функ-

ционеру, члена партии с дореволюционным стажем, который входил в состав нескольких делегаций, посещавших капиталистические страны. Сохранившиеся письма Козелева напоминают обычную переписку туриста со своими домашними, в них увлеченность идеями мировой революции не проявляется никак. По мнению автора монографии, в этом выражается позиция управленца, отделяющего профессиональную политическую деятельность от личной жизни, что отличало этого героя его повествования от энтузиастов времен Гражданской войны, для которых идея мировой революции была экзистенциально важной. Скорее всего так и было, но нельзя исключать и того, что содержание и тон писем Козелева определялись тем обстоятельством, что его переписка могла перлюстрироваться, в связи с чем он не был вполне откровенным.

В заключении Альберт ставит вопрос о том, почему идея интернационализма уступила место идее советского патриотизма. Обычно это объясняется прагматической необходимостью: для властей патриотизм был более эффективным инструментом политической мобилизации. Не оспаривая это утверждение, автор все же считает его недостаточным. По его мнению, следует иметь в виду и большевистскую концепцию руководимой партией «советской общественности», которая не могла обеспечить процесс институционализации и рутинизации харизмы мировой революции. Централизация, бюрократизация и унификация все сильнее влияли на «советскую общественность», в том числе и на те ее элементы, которые были инструментом утверждения харизмы мировой революции. В этих условиях интернационализм становился «пустым означающим».

Предпринятая в этой книге попытка методами социальной истории описать ранний советский интернационализм, связанный с идеей мировой революции, оказалась удачной: наблюдения Альберта весьма интересны, а выводы не вызывают возражений, требуя порой лишь уточнения. Перспективным было бы теперь провести исследования, выполненные в жанрах истории повседневности и культурной истории. Как потреблялся интернационализм? Каким был спрос на него? Кто производил, кто продавал и кто покупал юнгштурмовки, в которых щеголяли советские «военизированные» комсомольцы, изображенные на картинах Александра Самохвалова? Кто читал политическую фантастику, о которой рассказывается в одной из глав рецензируемой монографии? Кто издавал такую литературу? Приносили ли доход заказы на производство значков МОПР?

Другой важный блок вопросов связан с интериоризацией идеи интернационализма. Как измерить искренность его носителей? Не помогут ли здесь материалы антропоники (тема, лишь слегка упомянутая в рецензируемой книге)? Когда начали называть детей в честь мировой революции? Когда новорожденный мальчик впервые получает довольно распространенное в конце 1920-х – начале 1930-х имя Рем (революция мировая)? Когда оно перестает быть популярным? Когда появляются и когда исчезают имена в честь лидеров коммунистического и мирового революционного движения – Рой, Марти, Дорио, Тельман?

Наконец, особый интерес может представлять изучение памяти о том времени, когда харизма мировой революции была ощутима в советском обществе. Вновь и вновь романтизируемая память о революции использовалась для легити-

мации власти. Вновь и вновь старые символы и тексты, прославлявшие мировую революцию, приобретали новые смыслы, подпитывая утопию возвращения к «ленинским идеалам». Изучение долгой памяти о нереализованной мечте представляет собой интересную, но очень сложную задачу, решение которой станет вызовом для нового поколения исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Albert, Gleb J. 2017. *Das Charisma der Weltrevolution: Revolutionärer Internationalismus in der frühen Sowjetgesellschaft, 1917–1927*. Cologne: Böla.
- Halfin, Igal. 1999. *From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
- Halfin, Igal. 2007. *Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
- Halfin, Igal. 2011. *Red Autobiographies: Initiating the Bolshevik Self*. Seattle: University of Washington Press.
- Hellbeck, Jochen. 2006. *Revolution on My Mind: Writing a Diary Under Stalin*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kelly, Catriona, and Vadim Volkov. 1998. "Obshchestvennost', Sobornost': Collective Identities." Pp. 26–27 in *Constructing Russian Culture in the Age of Revolution: 1881–1940*, edited by Catriona Kelly and David Shepherd. Oxford: Oxford University Press.
- Kotkin, Stephen. 1995. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press.
- Stites, Richard. 1989. *Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution*. New York: Oxford University Press.
- Weber, Max. 1978. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press.